

Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 250–271.

Yearbook Japan, 2019, vol. 48, pp. 250–271.

DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10011

Японский опыт трансформации: от «монархического конституционализма» к тоталитарной системе

К.О. Саркисов

Аннотация. Одна из самых фундаментальных в истории Японии трансформаций — «Мэйдзи исин» (1867–1868) при всей схожести с великими революциями в других странах имела существенные отличия. Она была относительно бескровной и стала «гладким» переходом из одной системы в другую. Стремление к «преемственности» и к сохранению «связи времен» проявились и в самый тяжелый момент японской истории, когда императором в августе 1945 г. было принято решение о капитуляции и её единственным условием было сохранение императорской системы.

В отличие от Реставраций монархий в европейской истории в японской — это не контрреволюция, а прямо противоположное. Японской монархии был придана «прогрессивная» форма конституционной монархии в её германской (прусской) версии, которая считалась тогда наиболее прогрессивной и динамичной, но не столь радикальной как британская, дававшая преимущество парламенту.

Из двух форм конституционных монархий «монарх царствует, но не правит» и «монарх царствует и правит по конституции», при которой монарх становится заложником бюрократии, был выбран второй с той оговоркой, что в Японии отстраненность императора от управления страной и фактическая власть бюрократии была изначальной идеей тех, кто совершил революцию и строил новое государство.

Роль императора как символа, которая была зафиксирована в послевоенной конституции Японии, написанной Штабом оккупационных войск и рассматривавшаяся как наиболее радикальная мера по демократизации Японии, на самом деле была таковой и до войны. Символичность или «духовность» власти императора восходит к исконно японской религии

синто, которой революцией был придан статус государственной. Однако это противоречило характеру японцев, рассматривающий религию как культурно-этическую, а не как мировоззренческую доктрину.

Особенности «Мэйдзи исин» сказались на динамике дальнейших трансформаций страны вплоть до её поражения во Второй мировой войне.

Ключевые слова: конституционная монархия, реставрация, Исин, революция, связь времён, примирение двух эпох.

Автор: Саркисов Константин Оганесович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН.

E-mail: sarkisovko@yahoo.com

The Japanese experience of transformation: From “monarchical constitutionalism” to a totalitarian system

K.O. Sarkisov

Abstract. Despite its similarities with the great revolutions in other countries one of the most fundamental transformations in the history of Japan — Meiji Ishin (1867–1868) had significant differences. It was relatively bloodless manifesting a “smooth” transition from one system to another. The pursuit of “continuity” and the preservation of the “connection of times” came out as something “sacred” in the most difficult moment of Japanese history, when in August 1945 Japan decided to surrender and its only condition was to preserve the imperial system.

Unlike the restorations of monarchies in European history, in Japan emperor’s coming back to power was not a counter-revolution, but just the opposite. The Japanese monarchy followed a “progressive” form of constitutional monarchy in its German (Prussian) version, which then was considered the most progressive and dynamic, but not as radical as the British with its predominance of the parliament.

From two forms of constitutional monarchy: “the monarch reigns but does not rule” and “the monarch reigns and rules under the constitution”, in which the monarch becomes a hostage of the bureaucracy, Japan had chosen the second one with the provision that the Japanese emperor’s detachment from government and the actual authority of the bureaucracy were the original idea of those who made the revolution and were building a new state.

The role of the emperor as a symbol in the post-war constitution of Japan, written by the occupying forces’ General Headquarters and regarded as the most

radical measure of democratization of Japan, was in fact the same before the war. The symbolism or “spirituality” of the emperor’s power goes back to the original Japanese religion of Shinto, which was given a state status by the revolution. However, this was contrary to the nature of the Japanese, regarding religion rather as cultural and ethical, than as an ideological doctrine.

Distinctive features of “Meiji Ishin” affected the dynamics of further transformations of the country until its defeat in the Second World War.

Keywords: constitutional monarchy, restoration, Ishin, revolution, connection of times, reconciliation of two eras.

Author: *Sarkisov Konstantin O.*, PhD (History), Leading researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: sarkisovko@yahoo.com

«Исин» как «трансформация»

Революция 1868 г. («Мэйдзи исин»), одна из наиболее фундаментальных трансформаций в истории Японии. На английский и на все остальные языки, а иногда и на русский, она по формальному признаку возвращения японского императора к власти переводится как «Реставрация Мэйдзи». Такой перевод создаёт впечатление о движении вспять, о чём-то консервативном или даже реакционном. В то время как всё обстояло ровно наоборот. Полвека до этого возвращение Бурбонов в Париж было реставрацией, а в Японии воцарение японского императора на трон означало не контрреволюцию, а революцию.

Не случайно, за рубежом первое сообщение о событиях в Японии появилось в марте 1868 г. под заголовком «Революция в Японии». В полученной через Индию информации говорилось о «столкновениях войск сёгуна и даймё с партизанами» и *больших потерях с обеих сторон* [The New York Times, March 6, 1868]. Скупая на громкие заголовки английская пресса писала просто о событиях в Японии, а если использовала слово «революция», то только цитируя американские источники. Но позднее и в ней можно было прочитать о «революции в Японии» [Times, Apr 12, 1873].

Вопрос о точности перевода не является формальным. В нём суть происходившего. Термин «Исин» как и его оригинал в китайском языке — «Wéixīn», означает «Обновление» или «Реновация». В истории Кореи, в языке которой заимствования из китайского также доминируют, великие события обычно тоже обозначались

этим термином. Следовательно обозначение событий как «революция» тоже не совсем точно. Для этого явления в японском языке есть другое, более чёткое по смыслу выражение. Фундаментальное преобразование, в результате которого страна покончила с феодализмом, в самой Японии не получило название «революция» из-за явно отрицательной для японского слуха коннотации. Во время очередной поездки в Европу Ито Хиробуми, один из «отцов-основателей» новой Японии, говорил в интервью: *«Я никогда не сожалел, что советовал своей стране последовать примеру Европы, хотя меня осуждали как революционера. Если так, значит, я был рождён для революции»* [Times, Jun 29, 1887].

События в Японии революцию в европейском значении этого слова напоминали слабо. Они, конечно, развивались по схожей схеме — раскол страны на два лагеря, гражданская война, насильственные действия и пр., но в сравнении с французской революцией 1789 г. и русской ноября 1917 г. социальный переворот в Японии не сопровождался массовым политическим террором, гильотиной или расстрелами, уничтожением и ликвидацией целых слоёв общества, строительством нового общества на руинах старого с систематическим и последовательным искоренением в зародыше всего того, что политически, социально и даже этически напоминало прошлое. В Японии, напротив, предшествующий строй и эпоху Эдо никто не предавал анафеме. Более того, если и критиковали, то признавали заслуги, а главное — относились с уважением как к части своей истории, объединяющей, а не раскалывающей народ на антагонистические куски.

Пример — судьба свергнутого сёгуна Токугава Ёсинобу. Она мало напоминала участь Карла I, казнённого в Лондоне в 1649 г., Людовика XVI, кончившего жизнь на гильотине в Париже в 1792 г., и Николая II, расстрелянного в подвале дома в Екатеринбурге в 1918 г.

Последний сёгун после передачи ключей от Эдосского замка новым хозяевам удалился с приближёнными в префектуру Сидзуока. Здесь он вёл замкнутый образ жизни, удил рыбу и писал стихи (танка), некоторые из которых о «великолепии сливы, благоухающей за его окном» печатались на страницах газет [Asahi, Mar 15, 1882]. А 28 февраля 1882 г. он посетил замок, некогда ему принадлежащий, чтобы выразить благодарность императору за присвоение ему высо-

кого государственного ранга (Старший Ранг Второй степени 正二位) [Asahi, Mar 1, 1882]. В сохранившейся за ним токийской резиденции в деревне Сэндагая (ныне район Токио) 1 ноября 1887 г. с «визитом вежливости» его собирались посетить вдовствующая императрица (супруга императора Комэй) и императрица Харуко (супруга императора Мэйдзи) [Yomiuri, Oct 26, 1887].

Фактическое примирение двух эпох и двух систем произошло 23 августа 1889 г., когда в Токио по инициативе императорского двора, или по крайней мере с его согласия, прошли торжества по поводу 300-летия учреждения ставки сёгуна Токугава Иэясу в Эдо. По приказу Министерства двора была выпущена золотая юбилейная медаль достоинством в 300 иен. Торжественные мероприятия состоялись в токийской резиденции в Сэндагая. В парке Уэно в синтоистском храме Тосёгу (上野東照宮) прошёл молебен с участием бывших даймё (князей), приближенных сёгуна (фудай даймё) [Asahi, Aug 25, 1889].

Особенно завидной оказалась судьба сына последнего сёгуна — Токугава Иэсато. Возглавив клан Токугава (16-й по счёту) после ухода отца от дел, он оказался весьма востребованным в новой государственной элите. В японском парламенте в течение четырёх сроков он возглавлял палату пэров, был полномочным представителем Японии на Вашингтонской конференции по разоружению (1920–1921), председателем подготовительного комитета так и не состоявшейся Токийской олимпиады 1940 г. А в марте 1914 г. накануне Первой мировой войны могло случиться нечто невероятное — возвращение Токугава во власть. В период политического кризиса император предложил Токугава пост премьер-министра. Но он отказался. *«Меня срочно вызвали во дворец. Я не имею права пересказывать то, что мне сказал Его Величество, но суть была в том, что он подписал указ о назначении меня главой кабинета министров после того, как правительство Ямамото Гомбэй ушло в отставку. Сразу отказаться было бы проявлением неуважения к монарху, и я попросил время на размышление, но на следующий день сказал ему, что для меня это большая честь, но я не подхожу для этой роли»*, вспоминал потомок сёгунов [Asahi, Apr 8, 1928]. Газеты же писали, что Токугава не захотел ввязываться в склоки и политические интриги, которые могли бы нанести урон престижу древнего самурайского рода [Yomiuri, Mar 30, 1914].

Другой пример, Эномото Такэаки. В 36 лет — заместитель министра флота в правительстве сёгуна, он после захвата столицы императорскими войсками остался лояльным старому режиму и весь флот увёл в Хакодате. В январе 1869 г. он стал президентом «Республики Эдзо», но уже в мае того же года после серии военных поражений был арестован. По обвинению в госизмене он ожидал суровый приговор в тюрьме одной из военных казарм в Эдо (Токио), однако в 1872 г. его простили, учтя незаурядные способности и знания, приобретённые за границей ещё в период сёгуната (три года учёбы в Голландии).

В ноябре 1879 г. он стал заместителем министра иностранных дел [Asahi, Nov 11, 1879]. До этого успел побывать в ранге посланника в Санкт-Петербурге, где в 1875 г. подписал договор об обмене Сахалина на Курилы. До своей смерти он занимал многие министерские посты: министра иностранных дел, военно-морского флота, сельского хозяйства и торговли, культуры. 11 февраля 1904 г., когда уже шла война, будучи уже в отставке, он посетил российскую миссию в Токио, чтобы выразить сожаление покидавшему Токио российскому посланнику барону Розену, что войны не удалось избежать [Rosen, 1922, p. 283].

Термин «Исин» как «системная трансформация» со временем стал использоваться политическими движениями как прогрессивного, так и реакционного направления. В эпоху Тайсё им называли политическое движение за расширение и укрепление демократических элементов мэйдзийской конституции (ведущая роль политических партий в парламенте в определении главы правительства). А лозунг «Сёва исин», напротив, вдохновлял тех, кто выступал против демократизации как «губительной» для страны, за укрепление авторитарности власти под лозунгом восстановления «Великой Мэйдзийской империи» [Asahi, Jan 28, 1926].

После поражения Японии в войне и оккупации войсками союзников происходившие в стране трансформационные процессы были по сути революционными, но никто и никогда не называл их революцией, а политики (в частности, Накасонэ Ясухиро) сравнивали с «Мэйдзи Исин» [Yomiuri, Jan 7, 2000]. Реформы оккупационного периода в Японии в отличие от поверженной Германии проводились не напрямую, а через институты старой власти, через «фильтр» национальных традиций и системы ценностей. Тем самым была

достигнута столь важная для японской политической культуры «пре-емственность» поколений, «гладкая» трансформация систем из одной в другую без разрыва «связи времён». При этом главным связующим элементом всего этого был и остаётся император.

«Монархический конституционализм»

Сохранение монархии было поэтому главной целью при строительстве нового послефеодального государства. В Европе в 80-е годы XIX века, когда Япония была в поисках подходящей для неё конституции, Абсолютизм давно пал под ударами революций и войн, и идея «конституционной монархии» восторжествовала практически везде, кроме отдельных стран, в частности России.

Поиски подходящей для Японии модели конституционной монархии должны были бы начаться с Англии, где эта система утвердилась ещё в XVII веке. Но на родине конституционной монархии не было конституции и всё держалось на прецедентном праве, что делало её трудной для подражания.

В монархической Франции основные положения конституционного права были сформулированы чётко и впервые в Конституции революционной Франции 1791 г. Одна из центральных статей (ст. 3) Конституции Мэйдзи — «личность императора является священной и неприкосновенной» — калька с конституции революционной Франции 1789 г. (*La personne du roi est inviolable et sacrée* (Chapitre II Article 2) (Конституция Франции, 1791 г.) с перестановкой лишь порядка слов. Правда, после радикализации французской революции упомянутая статья конституции не помешала казнить короля (Людовика XVI). Поэтому в её новой конституции 1814 г. наряду с сохранением формулировки о «неприкосновенности и священности» личности императора Людовик XVIII пытался найти «баланс сил» между игроками на политическом поле, между консервативным и либеральным.

Идеи «баланса» он мог почерпнуть в публикациях Франсуа Шатобриана, об одной из которых Людовик XVIII, говорил, что *она принесла ему больше пользы, чем стотысячная армия* [Вера Мильчина, 2014, с. 975]. Публикации ультраконсервативного роялиста, известного в России больше как писателя и стилиста, вызывали интерес и в Англии, где, казалось бы, всё было уже позади. Лондон-

ская «Таймс» публиковала выдержки из его сочинений, в одном которых звучала идея «баланса» между ветвями власти: «*В конституционной монархии власть монарха и законодательного органа должны быть согласованы и сбалансированы*» и о прессе, которую и в те годы относили к «четвёртой власти»: «*в отсутствие свободы пресса подпадёт под влияние бюрократии (министров правительства), которые используют её в свою пользу. В результате баланс будет разрушен, а конституция окажется в опасности*» [Times, Oct 16, 1816].

Попытку простого и понятного объяснения сути конституционной монархии предпринял другой француз, историк и политик Адольф Тьер. Его фраза, ставшая крылатой — «король царствует, но не правит» (заголовок одной из его публикаций) [Times, Aug 29, 1835] — вызвала гонения на автора и особенно на издателя газеты, опубликовавшей статью. Позднее в дебатах во французском парламенте, в спорах роялистов с разношёрстной оппозицией прозвучала консервативная версия этой идеи: «король царствует и правит по конституции» [Times. Dec 31, 1838].

В обеих фразах суть двух типов конституционной монархии. «Король царствует, но не правит» — это парламентская монархия, которая получила своё воплощение в Англии. В 1910 г. назначенный министром внутренних дел Уинстон Черчилль развил формулу Тьера: «*Монарх не принимает решений. Его Величество царствует, но не правит. У него нет права вето. Он действует по совету ответственных министров*» [Times, Mar 21, 1910].

Вариант, когда монарх «царствует и правит по конституции», принятый во Франции, Пруссии и позже в Германии (бисмарковская Конституция) в отечественной политологии обозначают как «монархический конституционализм». Это система, в которой «*в полной мере реализовывалась коалиция монарха и бюрократии против парламента... где... монарх становится в полной мере заложником бюрократии, не находя ей противовеса в народном представительстве*» [Медушевский, 1994, с. 31–33].

Эта формула вполне применима к мэйдзийской Японии с той только поправкой, что нахождение императора в заложниках у бюрократии или отстраненность императора от реальной власти («монарх не принимает решений» из формулы Черчилля) была первоначальной идеей тех, кто совершил антифеодальную революцию. Во власт-

ной тройке «император — бюрократия — парламент» главная роль принадлежала государственной бюрократии, а не императору.

Но любое решение правительства требовало его санкции, которое он давал в принципе почти автоматически. В первые месяцы работы правительства (Кабинет Министров, 内閣), сформированного по европейскому образцу, как-то император длительное время не принимал премьер-министра, сказавшись больным, чтобы не допустить назначения на пост министра образования Мори Аринори, известного политика из плеяды революционеров, христианина по вероисповеданию. После этого случая Ито добился согласия монарха на «разделение функций» власти между правительством и императором, и 7 сентября 1886 г. был подписан документ под названием «Киму Рокудзё» («機務六条»), что-то вроде «меморандума о взаимопонимании» между монархом и государственной бюрократией.

Из «Шести пунктов разделения функциональных обязанностей» первый касался участия императора в заседаниях правительства. Прежде император имел право по своему желанию появляться на них (правительство в пору — Дайдзёкан) и свободно высказываться по существу обсуждаемых дел, хотя такие случаи были крайне редки. Отныне его присутствие на заседаниях правительства могло быть только по просьбе премьер-министра. При этом заседание кабинета вёл не император, а глава кабинета. Согласно второму пункту, советниками императора по государственным делам могли быть лишь министры или их замы. В выступлениях на заседании правительства император мог высказываться только по специальным вопросам образования и по своим личным делам, но не должен был касаться государственных вопросов. Следующие, третий и четвёртый пункты определяли, что император не мог отказаться от участия в официальных церемониях, нравились они ему или нет. В последних двух пунктах выражалась забота о здоровье монарха, который им не блистал, однако устанавливалось, что император мог не принимать министров в случае недомогания, только имея на то реальные основания, и сами эти случаи следовало сводить к минимуму, дабы они не мешали выполнению официальных обязанностей [Tamura, 2014, p. 116].

Случаи, когда император проявлял свою собственную инициативу, вызывали негативную реакцию правительства, которое, впро-

чем ничего не могло с этим поделать. В качестве примера можно привести инцидент с покушением на жизнь российского престолонаследника Николая Александровича стоявшим в оцеплении японским полицейским Цуда Сандзо. Случилось это в мае 1891 г. в городе Оцу неподалеку от Киото, и император Мэйдзи лично отправился в свою старую столицу, чтобы навестить в больнице легко раненного цесаревича. В порту Кобэ неподалеку от стоянки российского корабля был разбит временный шатёр для монарха, чтобы он мог быть всегда рядом. Вопреки мнению правительства, опасавшегося, что император может быть похищен, тот принял приглашение наследника российской короны отобедать с ним на флагманском крейсере «Память Азова».

Вместе с тем усилия монарха добиться смертной казни для покушавшегося оказались тщетными, а вердикт судьи, действовавшего по закону и присудившего обвиняемого к пожизненному заключению, стал хрестоматийным в учебниках по истории японского права как свидетельство торжества закона над авторитарной властью.

В Японии не было всего того, что в Европе привело к «конституционным монархиям» — эпохи Просвещения, не было «монархического абсолютизма», а был феодальный абсолютизм сёгуната, не было сложной социальной стратификации, большой политической и экономической роли духовенства и др. При этом движущей силой революции в Японии был не столько растущий капитализм («рост производительных сил»), сколько национальная идеология самосохранения перед внешней угрозой с учётом печального опыта соседнего Китая, заплатившего своей независимостью за нежелание модернизироваться.

Отплывшие 19 марта 1882 г. на почтовом пароходе из Иокогамы в Европу в поисках модели конституционной монархии еще в Токио сделали свой выбор. Их путь лежал в Берлин, тем более что особого выбора в «меню» из европейских «конституционных монархий» не было. Из трёх главных европейских монархий — Англии, Франции и Германии, первая не подходила из-за доминирования парламента над королём, вторая пала под ударами третьей. Позорное и скандальное для престижа крупнейшей европейской державы поражение Франции при Седане и пленение Бонапарта III со всей своей армией 2 сентября 1870 г. покончили с монархией во Франции. Не менее

унизительной была состоявшаяся 18 января 1871 г. в пригороде покорённого Парижа в знаменитом Зале зеркал Версальского Дворца церемония приведения к присяге первого Германского императора прусского короля Вильгельма I, которому принадлежала честь этой победы. Военное торжество Пруссии привело к рождению нового государства, объединившего более двух десятков мелких «королевств» и несколько вольных городов.

По инициативе ставшего канцлером нового федеративного государства Отто фон Бисмарка 16 апреля была принята Конституция германской империи, повлиявшая на японскую. *С особой теплотой вспоминал Ито о своих встречах и беседах с тем, кто сыграл огромную роль в этом историческом событии. Бисмарка он ставил выше всех из европейских деятелей* [Yomiuri, Dec 31, 1896]. *«Он оказался под чарами одного из наиболее величественных политических фигур Европы — князя Отто фон Бисмарка»* [McLaren, 1916, p. 182]. Тому он тоже запомнился, и уже будучи в отставке, в мае 1895 г., когда Ито подписал в Симоносеки мирный договор с Китаем на выгодных для Японии условиях, прислал ему поздравительную телеграмму [Yomiuri, May 13, 1895].

Военные успехи Пруссии впечатляли тех, кто в Токио в жарких спорах определял контуры японского государства. Английская модель не подходила, и тем не менее Ито побывал и в Лондоне. Здесь он встречался с Уильямом Гладстоном. Четыре раза возглавлявший кабинет министров Англии в период с 1868 г. по 1894 г., тот начинал с сотрудничества с тори и, постепенно меняя свои убеждения, стал лидером лейбористов, а также проповедником либеральных реформ. Эта «гибкость» в выборе курса, возможность сочетать консерватизм с либерализмом, когда это необходимо и полезно, не остались незамеченными для японцев.

Конституция Мэйдзи, провозглашённая 11 февраля 1889 г. была, несомненно, консервативной по сути, предоставив широкие права императору, а фактически высшей бюрократии, но она включала и целый ряд элементов представительной демократии: выборность нижней палаты парламента, прерогатива парламента принимать законы, отсутствие у императора права на законотворчество, его право принимать указы лишь в период, когда парламента не функционирует, с условием, что эти указы должны быть утверждены парламентом и др.

Император

В Соединённых Штатах, игравших главную роль в определении судьбы послевоенной Японии, с их антимонархической по определению идеологией японская монархия воспринималась как явление сугубо феодальное, как вредная архаика и главная причина отсталости и реакционности режима. Главнокомандующий Штаба союзных войск Макартур писал в своих воспоминаниях о причинах поражения Японии в войне: *«Чрезмерный феодализм, который доминировал в этой изолированной стране, привёл к почти мифологической и фанатической вере в непобедимость её армии и превосходство её культуры»* [Macarthur, 1964, p. 300].

Макартур осуждал «чрезмерный феодализм», но не упоминал императора, с которым у него, по слухам, сложились хорошие личные отношения. Тем не менее, принятая под сильным давлением оккупационных властей новая конституция 1946 г. прежде всего решила вопрос с императором. В самой первой статье она лишила его титула «суверена» и наделила им японский народ, закрепив за монархом роль символа «государства и единства народа».

Но это не было болезненным, потому что и до войны его роль была достаточно символической, поскольку решений он не принимал, а только косвенно мог на них влиять. «Шесть пунктов разделения функций» никто не отменял.

Из конституции исчезли слова о «многовековой и непрерывной преемственности» японской императорской династии. Однако с самим мифом ничего не удалось сделать. Все императоры и чуть менее десятка императриц, начиная с 660 года до н.э., составляют единую генеалогическую линию — Мансэйиккэй (萬世一系). Они тщательно идентифицированы и строго пронумерованы, а вступивший на престол 1 мая 2019 г. новый император Нарухито получил номер 146.

Этот миф был и остаётся стержнем императорской системы в её современной демократизированной форме. Поэтому можно сказать, что «система Мэйдзи» сохранила себя, несмотря на поражение в войне. В спорах с представителями оккупационных властей премьер-министр Сидэхара защищал конституцию Мэйдзи, убеждая их в её «демократичности». *В мире существуют и другие формы демократии, а не только американская. Навязать её японскому*

народу не получится. Японии больше подходит политическая система Англии или подобный ей тип конституционной монархии [Asahi, Nov 11, 1945].

Но апелляция к монархической Британии не только не была услышана, но реальность подобного была под большим сомнением. На сегодняшний день, помимо курьёзных прерогатив английской короны, наподобие владения гусями в Темзе и осетрами, китами, дельфинами в территориальных водах, у неё есть и более существенные. Японский император не является главой государства, в то время как Елизавета II официально носит титул монарха (конституционного) и главы государства не только Великобритании, но стран содружества. Министры Правительства Её Величества в Лондоне являются, прежде всего, советниками королевы наряду с членами Тайного совета при Королеве. Всё судопроизводство происходит от имени монарха, как было и в довоенной Японии по конституции Мэйдзи (ст. 57). С другой стороны, английская монархия не может похвастаться даже мифом о своей непрерывности в течение 26 веков и своей ключевой ролью в истории страны.

В Японии император нередко и надолго бывал отстранён от реальной власти. Но каждый раз его возвращение во власть рассматривался как решающий элемент трансформации. Так, например, 17 веков назад в эпоху Асука (538–710) в реформах «Тайка» перемены под влиянием внешних факторов вызвали к жизни идею восстановления руководящей роли императора как главного элемента несущей конструкции, на которой строится государство. Возникшие после реформ «Тайка» юридические основы государственности («рицурё») один из авторов оценивал как китайские по форме, но японские по сути, именно из-за роли в них императора [Clement, 1915, p. 23.].

С императором Япония не просто страна («куни») или государство («кокка»), а государственность — некий государственный организм («кокутай» 国体), родившийся от божьего провидения, взлелеянный предками, переживший природные катаклизмы и катастрофу войны и существующий как залог стабильности и благополучия в будущем.

В «Новых тезисах» идеолога японского национализма Аидзава Сэйсисай (1782–1863) из знаменитой «Школы Мито», написанных еще в 1825 г., в эпоху позднего сёгуната, роль императора как «рели-

гиозно-политического стержня» виделась как спасение от угрозы не столько физического, сколько духовного порабощения иностранными государствами [Wakabayashi, 1986, p. 133, 134]. Сохранение императора как условие готовности капитулировать и не продолжать войну, которая стоила бы американцам сотен тысяч жертв, и послевоенная стабильность, обеспечившая феноменальное развитие страны, подтверждали эту мысль.

В течение многих веков роль императора, его значение в системе «кокутай» признавали и реальные властители страны — сёгуны. С их стороны не было ни одной серьёзной попытки самим взойти на «Хризантемовый трон». Несмотря на всю формальность, в течение веков они сохраняли процедуру утверждения монархом очередного сёгуна. В 30-е годы XX столетия император не спас политическую систему от сползания к тоталитаризму военной олигархии, но предотвратил в стране фашистскую форму правления, дав возможность капитулировать без полного краха и распада (как это было в Германии), обеспечил «мягкую посадку» с сохранением культурно-психологических корней государства.

Значение императора для Японии становится особенно понятным в сравнении с тем же Китаем. Несмотря на 5 тысяч лет династийной истории, ликвидация «императорской системы» в 1912 г. (Синьхайская революция) была непременным условием радикальной трансформации — рождения современного государства. Две попытки реставрации в Китае монархии (1 января 1916 г. провозглашение Юань Шикаем себя императором, а в июне 1917 г. усилия генерала Чжан Сюня вернуть на престол императора Пу И) были скорее фарсом, чем серьёзными событиями, и закончились полным и сокрушительным провалом. В Японии же наоборот — возвращение императора к власти стало предпосылкой реформ, превративших страну не только в современное государство, но и в одного из лидеров того времени. Если «несущими конструкциями» любой национальной идентичности считать общность и органичность таких элементов как земля, язык, религия и исторические судьбы, то роль императора незаменима в двух последних.

Отсутствие единой религии как интегрирующей силы компенсировалась верой в божественное происхождение императоров. Законные сомнения в этом, в частности в непрерывности в течение столь длительного периода, легко снимаются тем, что «чистота крови» не

считалась абсолютно необходимым условием. Вполне допускалось смешение с другой «кровью» — усыновленные и наследные принцы, рождённые от наложниц. *«Наложницы были распространённым явлением в императорской семье и аристократии до революции Мэйдзи. Царствующий ныне император (император Тайсё) был сыном не императрицы, законной супруги императора Мэйдзи, а фрейлины Накаяма. ...Японцы настолько снисходительно относились к полигамии, что в документах, публиковавшихся Министерством императорского двора и переведившихся официально на английский язык, приводились имена всех императорских наложниц и их потомков»* [McLaren, Walter Wallace, 1916, p. 18].

Приверженность концепции династийной «непрерывности» выражается в том, что ритуалы, унаследованные от предков, в императорском доме тщательно соблюдались и соблюдаются как в радостных, так и в печальных случаях, вопреки любым трансформациям и модернизациям.

На следующий день после того как на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе был подписан Акт о капитуляции, 3 сентября 1945 г., в императорском дворце в присутствии придворной знати и членов правительства, среди которых был и подписавший накануне документ о капитуляции министр иностранных дел Сигэмицу Мамору, император, облачённый в одежды синтоистского жреца, вместе с императрицей и со своей матерью, вдовствующей императрицей (императрица Тайсё) совершил молебен перед тремя дворцовыми святынями [The New York Times, Sep 3, 1945]. Ещё через несколько дней представители императора посетили могилу Дзимму Тэнно в Нара, чтобы *известить его об окончании войны* [Асахи симбун, 8 сентября 1945 г.]. А в середине ноября сам император направился в храм Исэ Дзингу и к могилам императоров Мэйдзи (в Киото) и Тайсё (Такао, под Токио), чтобы *известить предков об окончании войны* [Асахи симбун, 14 и 18 ноября 1945 г.].

Религиозный фактор

Следование синтоистским обрядам при вступлении на престол в прошлом не означало религиозной приверженности императора и народа какой-то одной религии или верованию, и не означало рели-

гиозного фанатизма. Не было и попытки закрепить в Конституции за синто статус государственной религии, как это было в конституциях, с которых писалась японская 1889 г. Упрёки в адрес мэйдзийского государства, что синто ею было возведено в ранг государственной религии, парировались утверждением, что синто не является религией в строгом смысле этого слова.

Идентификация японского народа по вере, как правило, встречала затруднение в прошлом, и особенно сейчас. Синтоизм как японское «язычество», или многобожие, сохранил себя при соприкосновении с другими привнесёнными извне более развитыми религиями. Буддизм, появившийся в Японии в VII веке, быстро распространился как более развитая духовно-этическая и мировоззренческая культура.

Появление буддизма в Японии имело огромное «трансформирующее влияние» на историческое развитие страны. Принца Сётоку (конец VI — начало VII века, активно способствовавшего проникновению буддизма в Японию, сравнивают с римским императором Константином Великим, внедрившим христианство в Европе. Но в отличие от христианства, которое в своём проникновении и самоутверждении огнём и мечом искореняло язычество, у японцев буддизм не только уживался с «примитивным» синтоизмом, но и «сливался» с ним (синбуцу сюго 神仏習合).

С эпохи Нара это сотрудничество длилось тысячу лет до Мэйдзи. В начале VIII века на территориях синтоистских храмов начали строиться буддийские, где монахи читали сутры перед синтоистскими богами. Императоров, «патриархов» синтоизма, хоронили по буддийскому обряду. Последним, кого отпевали под речитативное чтение сутры, был император Комэй, отец императора Мэйдзи, воцарение которого положило конец (1868) симбиозу двух религий (синбуцу бунри рэй 神仏分離令) [Асахи симбун, 8 ноября 2018 г.].

Изучая конституции европейских стран, те, кто писал японский Основной закон, обратили внимание, что и в Англии, и во Франции за господствовавшими религиями законодательно был закреплён статус государственной религии. В Англии, например, роль Англиканской церкви была значительной в событиях революции 1642 г. В отношениях с Ирландией противостояние англиканцев с католиками было и остаётся центробежным фактором. Во взаимоотношениях англичан с шотландцами и валлийцами религиозный фактор усложнял межэтнические проблемы. Церковь с её огромными

земельными владениями опасалась парламента, склонного к принятию законов о конфискации её земель.

Всего этого не было в Японии. В исторической ретроспективе роль религиозного фактора в процессе трансформаций не была столь существенной, как христианства в Европе. В Японии не было такого явления, как Реформация, когда освобождение от пут католицизма было условием проведения социальных и политических реформ. Об ином отношении к религии свидетельствует и неуспех Учения Христа в Японии. Появившееся в Японии в середине XVI века и активно проповедовавшееся миссионерами даже после снятия запрета на него в 1873 г., это учение особого распространения не получило. Требование глубокой и самоотверженной веры в Христа воспринималось настороженно из-за призыва к самоотречению и отрицанию исконно японской традиции.

Внедрённый в протестантскую паству в Иогогаме один из «агентов» мэйдзийского правительства доносил о «трёх правилах» поведения новообращённых: не преклонять колени перед синтоистскими храмами во славу императора, предков и местных богов; не подчиняться приказам, даже самого императора, если приходится поступать своей верой; не быть чрезмерно привязанным к своим родителям и близким (поскольку все помыслы и любовь должны быть обращены к Господу Богу) [Kasahara, 2001, p. 516].

Первые из «десяти заповедей» Моисею, которые звучали как «Я Господь, Бог твой..., да не будет у тебя других богов пред лицом моим», не совмещались ни с психологией, ни с традициями японцев. К тому же, обращенность христианства в большей степени к небесным (абстрактным) делам, чем земным (практическим), слабая вовлечённость в повседневную жизнь общества — тоже одна из серьёзных причин, почему оно не получило широкого распространения [Khoon Choy Lee, 1995, p. 109].

Контрастно выглядит ситуация в соседней Корее, с которой у Японии общие исторические и культурные корни. Здесь велико количество населения, принявшего христианство не только в знак протеста против культурного и политического засилья Японии, но в значительной степени по «зову души». Этим можно объяснить и горячее стремление проповедовать учение Христа по всему миру. Корейцев — христианских проповедников более 2,5 тыс. в 105 странах. Это второй после США показатель. А в южнокорейской армии

до последнего времени капелланами могли служить только христиане [Religion and Society, 1997, pp. 95, 243].

Отсутствие в Японии даже близкого к этому связано с «национальным характером». Объединение разнохарактерных элементов, в частности религиозных, свидетельствовало не об их неразвитости, как это бывает при классическом синкретизме, а об отношении в целом к религии не как к предмету веры или самосознания, а как к системе обычаев или этических ритуалов. В одной из публикаций середины XIX века, еще до «открытия» Японии, лондонская «Таймс» публиковала любопытные сведения о Японии капитана американского клипера «Леди Пиерс» (названного в честь жены 14-го президента США Франклина Пиерса). После продолжительного пребывания в Эдо и Симода, активного общения с японцами он вынес впечатление о японцах как о *нации атеистов, отрицающих существование бога, и в качестве объекта поклонения выбравших «духовного императора» (так на Западе называли японского императора с резиденцией в Киото в отличие от «светского императора» — сёгуна, восседавшего в Эдо)* [Times, Oct 18, 1854].

В современной Японии, по официальным данным, в 2013 г. на вопросы, *имеете ли вы религиозные убеждения; верите ли вы в какое-то религиозное учение; испытываете ли интерес к религии*, положительно ответили только 28 % опрошенных. Полвека же назад, в 1958 г., когда начались социологические исследования на эту тему, таких было ненамного больше — 34 %. Последующие годы этот показатель варьировался между 25 и 34 % [Бункабу, 2013, с. 54]. *В послевоенные годы «в хаотичном потоке интеллектуальных доктрин и систем ценностей, как говорят, только около 20 процентов выбирают какие-то учения или религии»*, отмечается в одном из фундаментальных исследований по истории религий в Японии [Kasahara, 2001, p. 15].

В своё время христианство привело к самоизоляции Японии с первой половины XVII века, однако причиной было не доктринальное неприятие: угроза того, что вслед за католическими проповедниками придут марширующие иностранные солдаты, была реальной, а стремление изолироваться от внешнего влияния — естественным для островного государства, опасавшегося внешних сил, способных разорить страну. Но это не было ксенофобией как неприятие всего иностранного или «почвенничество».

История самого известного ксенофобского движения «Сонно Дзёи» («почитание императора — изгнание иностранцев») свидетельствует об этом. Открывшее страну в 1854 г. под внешним давлением правительство бакуфу при сёгуне Иэмоти подписало с США «договор о дружбе и торговле», первый из череды неравноправных договоров. Это случилось 29 июля 1858 г. на палубе американского военного корабля на рейде Иокогамы, что подчёркивало характер документа. Открытие японских портов для торговли и экстерриториальность иностранных поселений напоминали судьбу Китая. Отказ императора Комэй в Киото санкционировать договор с США можно считать началом революции, которая привела к власти его сына.

Движение «Сонно Дзёи» на самом деле использовало лозунг «изгнание варваров» для «изгнания», прежде всего, самого сёгуна из Эдосского дворца и водворение на его место императора. Наглядный пример того, что в Японии в целом к иностранцам относились настороженно, но не всегда враждебно — история русско-японских отношений того периода. В разгар ксенофобского движения в Нагасаки в одной из маленьких бухт, на берегу которой расположился посёлок Инаса, в течение многих лет «зимовал» российский тихоокеанский флот до своего перебазирования в Порт-Артур. Число живших здесь месяцами русских моряков доходило порой до шестисот. Жители этого посёлка, который был назван «русской деревней», за тридцать лет привыкли и привязались к русским, считая их «своими». «Жители селения сдружились с русскими, усвоил отчасти русскую речь, приноровились к русским обычаям» [Ухтомский, 1897, с. 9].

Число христиан среди премьер-министров, министров и лиц занимавших высший административный пост в стране является убедительным свидетельством несущественности религиозного фактора в японской политике. Список открывает Мори Аринори, министр образования в первом правительстве Ито 1885 г. Его вероисповедание использовали его противники, чтобы настроить против императора, но даже позиция императора не помешала Мори стать министром [Duke, 2009, pp. 317, 318]. Среди премьер-министров христианского вероисповедания довоенной эпохи государственного синто: Хара Такаси (Кэй) (1918–1919), Такахаси Корэкиё (1921–1922). В послевоенное время — Катаяма Тэцу (1947–1948), Хатояма

Итиро (1954–1956), Охира Масаёси (1978–1980) и Асо Таро (2008–2009). Последний католичеством обязан своему деду Ёсида Сигэру, премьер-министру Японии в 1948–1954 гг., который не входит в официально признанный список из-за того, что принял католичество уже на смертном одре. Но после государственных похорон в огромном зале Будокан состоялось отпевание его в Церкви Сэкигути, она же католический храм Святой Марии [Майнити симбун, 23 октября 2003 г.].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асахи симбун.

Бункабу. Сюмука. Сюкё канрэн токэй-ни кансүру сирё. 2015 : [Управление культуры. Отдел по религиозным делам. Статистические материалы по религии]. URL: http://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/tokeichosa/shumu_kanrentokei/pdf/h26_chosa.pdf (дата обращения: 30.08.2019).

Ёмиури симбун.

Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России. Вопросы истории. 1994. №8.

Мильчина Вера. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. Новое Литературное Обозрение, 27.11.2014.

Такикава Эйити. Нихон-но сайбан сэйдо-си ронко : [Исследование по истории японской судебной системы]. Синдзан-ся, 1991.

Тамура Ясуоки. Тэнно то Канси-но дзидай. 1868–1945 : [Эпоха императоров и государственных чиновников. 1868–1945]. Сэйбундо сүппан, 2014.

Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. 3. СПб.–Лейпциг, 1897.

Clement, Ernest Wilson. A Short History of Japan. University of Chicago Press. Chicago: 1915.

Constitution of the Kingdom of Prussia. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_Kingdom_of_Prussia (accessed: 30.08.2019).

Constitution of France. 1791. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/constitution-de-1791> (accessed: 30.08.2019).

Duke, Benjamin. The History of Modern Japanese Education: Constructing the National School System, 1872–1890. Rutgers University Press. New Brunswick, NJ.: 2009.

Kasahara, Kazuo (editor). A History of Japanese Religion. Kosei Publishing Co. Tokyo: 2001.

Macarthur, Douglas. Reminiscences (The Occupation of Japan). A Da Capo paperback. Reprint New York: McGraw Hill. 1964.

McLaren, Walter Wallace. A Political History of Japan during the Meiji Era, 1867–1912. George Allen & Unwin. London, 1916.

New York Times, The (NYT). The U.S. newspaper.

Religion and Society in Contemporary Korea. Editors: Lewis R. Lancaster, Richard K. Payne, Karen M. Andrews. Institute of East Asian Studies, University of California. Berkeley, CA.: 1997.

Rosen. Baron. Forty Years of Diplomacy. London, George Allen & Unwin Ltd. 1922.

Times, The. British newspaper.

References

Asahi shimbun (daily newspaper).

Bunkabu. Shumuka. Shukyo-ni kansuru tokei shiryō. 2015 [Agency for Cultural Affairs. Department of Religion Affairs. Statistical data related to Religion. 2015. URL: http://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/tokeichosa/shumu_kanrentokei/pdf/h26_chosa.pdf (accessed: 30.08.2019).

Clement, Ernest Wilson. (1915). A Short History of Japan, University of Chicago Press, Chicago.

Constitution of France. 1791. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/constitution-de-1791> (accessed: 30.08.2019).

Constitution of the Kingdom of Prussia. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_Kingdom_of_Prussia (accessed: 30.08.2019).

Duke, Benjamin. (2009). The History of Modern Japanese Education: Constructing the National School System, 1872–1890, Rutgers University Press, New Brunswick, NJ.

Kasahara, Kazuo (editor). (2001). A History of Japanese Religion, Kosei Publishing Co. Tokyo.

Macarthur, Douglas. (1964). *Reminiscences (The Occupation of Japan)*, A Da Capo paperback, Reprint New York: McGraw Hill.

McLaren, Walter Wallace. (1916). *A Political History of Japan during the Meiji Era, 1867–1912*, George Allen & Unwin, London.

Medushevski A.N. (1994). *Konstituionalnaya monarkhiya v Rossii [Constitutional monarchy in Russia]*, *Voprosy Istorii*, 1994, No. 8.

Milchina, Vera. *Pariz v 1814–1848 godakh: povsednevnyaya ziznj [Paris in 1814–1848: everyday life]*, *Novoye Literarnoye Obozreniye*, Nov 27, 2014.

New York Times, The (NYT). The U.S. newspaper.

Religion and Society in Contemporary Korea (1997). Editors: Lewis R. Lancaster, Richard K. Payne, Karen M. Andrews, Institute of East Asian Studies, University of California, Berkeley, CA.

Rosen, Baron. (1922). *Forty Years of Diplomacy*, London, George Allen & Unwin Ltd.

Takikawa, Eiichi. (1991). *Nihon saiban seido-shi kosatsu [A study of the Court System History in Japan]*, Shinzansha.

Tamura, Yasuoki. (2014). *Tenno to Kanshi-no Jidai: 1868–1945 [Era of Emperors and State Bureaucrats: 1868–1945]*, Seibundo shuppan.

Times, The. British newspaper.

Ukhtomski, E.E. (1897). *Putshestviye na Vostok Yego Imperatorskogo Vyisochestva gosudarya naslednika tsesarevicha 1890–1891 [His Imperial Highness Cesarevich Crown Prince of Russia Trip to the East 1890–1891]*, Vol. 3, Saint Petersburg, Leipzig.

Yomiuri shimbun (daily newspaper).